

\*\*\*

3 марта 1994 года ушел из жизни Георгий Петрович Щедровицкий. Мы очень многим обязаны этому человеку. Можно сказать, что для ППФ Георгий Петрович — крестный отец. При его непосредственном участии разрабатывались самые первые варианты факультета и концепции психолого-педагогического образования в КГУ. Он был нашим критиком и советчиком, а его работы остаются живительным источником для нашего сегодня и завтра.

**Бюллетень клуба конфликтологов №3 (II), 1994  
Г. П. Щедровицкий**

**Коммуникация, деятельность, рефлексия.<sup>1</sup>**  
Из истории философских трактовок рефлексии

В современных энциклопедиях рефлексия определяется как «форма теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленная на осмысление всех своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека»[39], или как «осмысление чего-либо при помощи изучения и сравнения; в узком смысле — новый поворот духа после совершения познавательного акта к «я» (к центру акта) и его микрокосму, благодаря чему становится возможным присвоение познанного»

Хотя уже у Аристотеля, Платона и далее, у средневековых схоластов, можно найти много глубоких рассуждений, касающихся разных сторон того, что мы сейчас относим к рефлексии, все же принято считать, что основной и специфический круг проблем, связываемых сегодня с этим понятием, зарождается лишь в новое время, а именно, благодаря полемике Локка и Лейбница (см.[41; [42; 99-108, 115-116]); как бы мы ни относились к такой трактовке истории проблемы и какую бы важную роль не приписывали античным и средневековым мыслителям, бесспорно, что именно у Локка и Лейбница рефлексия начинает

---

<sup>1</sup> Фрагмент статьи. В кн. Исследования интеллектуальной деятельности. Алма-Ата, 1974 г.

трактоваться как сознание сознания, или самопознание, как «поворот духа к «я» и благодаря этому приобретает отчетливо психологическую окраску.

Полемика Локка и Лейбница стимулировала размышления И.Канта, закрепившего такую трактовку рефлексии; вместе с тем понятие рефлексии приобрело у него ту гносеологическую (и вместе с тем методологическую) форму, в которой оно сейчас обычно и репрезентируется (1). У Фихте в дополнение к этому рефлексия получила эпистемологический оттенок), рефлексия знания есть «наукоучение») (2) и была поставлена в контекст процессов развертывания или развития «жизни»(3). Гегель сделал попытку дать рефлексии имманентное определение в рамках общей картины функционирования и развития духа (см.[45; 465-481]). После Гегеля понятие рефлексии стало и остается до сих пор одним из важнейших в обосновании философского анализа знания(4).

Принципы возможного научно-теоретического подхода к рефлексии  
Вместе с тем, до сих пор почти не было попыток описать рефлексию или тем более построить ее модель в рамках собственно научного, а не философского анализа деятельности и мышления. Во многом это объясняется тем, что не ставилась сама задача создания теорий деятельности и мышления. Но если мы ставим и всячески подчеркиваем эту задачу, то естественно, должны удовлетворить всем требованиям и критериям собственно научного воспроизведения объекта

Это значит, что мы должны среди прочего: 1) выявить и схематизировать все те свойства рефлексии, которые были зафиксированы в предшествующих философских исследованиях, 2) выбрать или построить язык, онтологические картины и понятия — одним словом, средства, с помощью которых, по нашему предположению, можно изобразить и описать рефлексия таким образом, чтобы эти изображения или описания допускали эмпирическую проверку, 3) выявить и сформулировать наибольшее число парадоксов, возникающих из-за несоответствия между выбранными средствами и схематизированными до того свойствами рефлексии, 4) так преобразовать и развернуть выбранные средства

(включая сюда конфигурирование (5) и разделение предметов), чтобы в изображениях и описаниях рефлексии, построенных на их основе, были бы сняты все отмеченные парадоксы, объяснены зафиксированные свойства рефлексии и, вместе с тем, сохранялась возможность эмпирической проверки всех этих изображений и описаний. И когда это будет сделано, начнется собственно научное изучение рефлексии в рамках одного или нескольких научных предметов. Сформулированная таким образом задача определяет как тот ракурс, в котором мы должны рассматривать рефлексия, так и путь наших рассуждений.

Естественно — это вытекает уже из самой формулировки темы, — что рефлексия рассматривается нами в контексте деятельности и с точки зрения средств теории деятельности; при этом два аспекта представляются наиболее важными: 1) изображение рефлексии как процесса и особой структуры в деятельности и 2) определение рефлексии как принципа развертывания схем деятельности; последнее предполагает, с одной стороны, формулирование соответствующих формальных правил, управляющих конструированием моделей теории деятельности, а с другой—представление самой рефлексии как механизма и закономерности естественного развития самой деятельности(б).

Но берем ли мы рефлексия в первом или втором аспекте, для каждого из них то описание и представление ее, которое было дано в предшествующих философских исследованиях, оказывается слишком сложным, многосторонним и нерасчлененным. То, что мы узнаем о рефлексии из философских представлений, связывает ее, во-первых, с процессами производства новых смыслов, во-вторых, с процессами объективации смыслов в виде знаний, предметов и объектов деятельности и, наконец, в-третьих, — со специфическим функционированием этих знаний, предметов изучения и объектов в «практической деятельности». И это, наверное, еще не все. Но даже этого уже слишком много, чтобы пытаться непосредственно представить все в виде какого-то одного сравнительно простого процесса или простой структуры в деятельности или, соответственно, в виде единого механизма или формального правила для конструирования и

развертывания схем деятельности. Поэтому мы должны попытаться каким-то образом свести все моменты, посредством которых сейчас характеризуют рефлексию, к более простым отношениям, связям и механизмам, чтобы затем вывести их из последних и, таким образом, в конце концов, организовать все в единую систему, изображающую рефлексию во всей полноте ее вариантов и их признаков.

В качестве гипотезы мы принимаем тезис, что нужные нам в этом случае более простые отношения, связи и механизмы задаются идеей и кооперации деятельности. Исходя из этой идеи, мы можем описать и изобразить разнообразные единицы актов деятельности, подыскать конструктивные правила развертывания их в более сложные системы и проинтерпретировать процедуры конструктивного развертывания на эмпирически фиксируемых процессах функционирования и развития деятельности.(7). Затем, используя полученные таким образом схемы в качестве моделей, мы можем попытаться вывести из них специфические характеристики функционирования и развития сознания, смыслов, знаний, предметов и объектов, а также самой рефлексии — самой по себе и в отношении ко всем перечисленным организованностям деятельности. Но это означает, что должна быть задана схема такой кооперативной связи, которая могла бы рассматриваться в качестве исходной «рамки» для задания и объяснения в дальнейшем всех специфических проявлений рефлексии.

В этой роли у нас выступает схема так называемого «рефлексивного выхода». Она была получена в связи с другими задачами (8), но затем была использована для введения и объяснения рефлексии как таковой. И хотя, наверное, рефлексия может вводиться на основе анализа многих различающихся между собой эмпирических ситуаций, мы повторим здесь вкратце тот способ введения ее, который мы давали в исходных работах. Дидактическое введение исходной «рамки» рефлексии.

Представим себе, что какой-то индивид производит деятельность, заданную его целями (или задачами), средствами и знаниями, и предположим, что по тем или

иным причинам она ему не удастся, т.е. либо он получает не тот продукт, который хотел, либо не может найти нужный материал, либо вообще не может осуществить необходимые действия. В каждом из этих случаев он ставит перед собой (и перед другими) вопрос: почему у него не получилась деятельность и что нужно сделать, чтобы все-таки получилось то, что он хочет.

Но откуда и как можно получить ответ на такой вопрос? Самым простым будет случай, когда он сам (или кто-то другой) уже осуществляли деятельность, направленную на достижение подобной цели в сходных условиях, и, следовательно, уже есть образцы такой деятельности. Тогда ответ будет простым описанием соответствующих элементов, отношений и связей этой деятельности, лишь переведенным в форму указания или предписания к построению ее копии (9). Более сложным будет случай, когда деятельности, которую нужно осуществить в связи с поставленным целями и данными условиями, еще никогда никем не строилась, и, следовательно, нет образцов ее, которые могли бы быть описаны в методологических положениях. Но ответ все равно должен быть выдан, и он создается, теперь уже не просто как описание ранее совершенной деятельности, а как проект или план предстоящей деятельности (10). Но сколько бы новой и отличной от всех прежних ни была проектируемая деятельность, сам проект или план ее может быть выработан только на основе анализа и осознания уже выполненных раньше деятельностей и полученных в них продуктов. Каким должен быть этот анализ и фиксирующие его описания, и каким образом проект новой деятельности будет опираться на подробные описания — все это вопросы, которые должны обсуждаться особо (и частично они будут затронуты дальше). А нам важно подчеркнуть, что во всех случаях, чтобы получить подобное описание уже произведенных деятельностей, рассматриваемый нами индивид, если мы берем его в качестве изолированного и «всеобщего индивида» (11), должен выйти из своей прежней позиции деятеля и перейти в новую позицию во внешнюю, как по отношению к прежним, уже выполненным деятельностям, так и по отношению к будущей, проектируемой деятельности. Это и будет то, что мы называем

рефлексивным выходом; новая позиция деятеля, характеризующаяся относительно его прежней позиции, будет называться «рефлексивной позицией», а знания, вырабатываемые в ней, будут «рефлексивными знаниями», поскольку они берутся относительно занятий, выработанных в первой позиции. Схема рефлексивного выхода будет служить первой абстрактной модельной характеристикой рефлексии в целом. Рассматривая отношения между прежними деятельностями (или вновь проектируемой деятельностью) индивида в рефлексивной позиции, мы можем заметить, что последняя как бы поглощает первые (в том числе и ту, которая еще только должна быть произведена): прежние деятельности выступают для нее в качестве материала анализа; а будущая деятельность — в качестве проектируемого объекта.

Это отношение поглощения через знание выступает как вторая, хотя, как мы увидим чуть дальше, неспецифическая характеристика рефлексии в целом (12). Отношение рефлексивного поглощения, выступающее как статистический эквивалент рефлексивного выхода, позволяет нам отказаться от принципа «изолированного всеобщего индивида» и рассматривать рефлексивное отношение непосредственно как вид кооперации между разными деятельностями. Теперь суть рефлексивного отношения уже не в том, что тот или иной индивид выходит «из себя» и «за себя», а в том, что развивается деятельность, создавая все более сложные кооперативные структуры, основанные на принципе рефлексивного поглощения. Вместе с тем, мы получаем возможность, даже собственно рефлексивный выход отдельного изолированного индивида рассматривать тем же самым способом, как образование рефлексивной кооперации между двумя «деятельностными позициями» или «местами». Но для того, чтобы две деятельности — рефлектируемая и рефлектирующая — могли выступить в кооперации друг с другом как равноправные и лежащие как бы наряду, нужно, чтобы между ними установились те или иные собственно кооперативные связи деятельности, и были выработаны соответствующие им организационности материала. Это могут быть «собственно практические» или инженерно-

методические производственные связи, заключающиеся в передаче продуктов одной деятельности в качестве исходного материала или средств в другую деятельность; это могут быть собственно теоретические, идеальные связи объединения и интеграции средств деятельности, объектов, знаний и т.п. при обслуживании какой-либо третьей деятельности (см. [23; 62-84]): какая именно из этих связей будет установлена — в данном контексте это для нас не важно, но важно то, что какая-то из этих связей должна возникнуть, ибо без этого невозможна никакая кооперация. И это требование сразу создает массу затруднений, а по сути дела даже — парадоксальную ситуацию.

Основной парадокс рефлексивной кооперации: невозможность взаимопонимания. Способы преодоления.

В самом общем виде суть этого парадокса состоит в том, что рефлексивный выход (или, что то же самое, отношение рефлексивного поглощения) превращает исходную деятельность даже не в объект, а просто в материал для рефлектирующей деятельности. Рефлектируемая и рефлектирующая деятельности не равноправны, они лежат на разных уровнях иерархии, у них разные объекты, разные средства деятельности, они обслуживаются разными по своему типу знаниями, и в силу всех этих различий между рефлектирующим и рефлектируемым деятелями не может быть никакого взаимопонимания и никакой коммуникации в подлинном смысле этого слова.

Действительно, представим себе, что индивид, находившийся во внешней позиции, описывает то, что происходит перед ним, в том числе различные элементы деятельности первого индивида — его объекты, действия, средства, цели и т.п., всех их обозначает соответствующими словами, а затем передает свое описание в сообщении первому индивиду. Текст сообщения прорывает границу между рефлектирующей и рефлектируемой деятельностями; созданный во второй, рефлектирующей деятельности, он оказывается теперь элементом первой, рефлектируемой. Первый индивид получает сообщение, он должен его понять и использовать «содержащиеся» в нем знания в своей деятельности. Но понять —

это значит, прежде всего, восстановить смысл сообщения, выделить зафиксированные в нем объекты и «взять» их в таком ракурсе и в таких отношениях, в каких их брал второй индивид (см. по этому поводу [7], [57]). Нетрудно заметить, что в условиях, которые мы задали самой схемой рефлексивного выхода, это невозможно или, во всяком случае, очень трудно: первый индивид осуществляет иную деятельность, нежели второй, имеет другую картину всей ситуации и по-иному представляет себе все ее элементы; более того, они и реально являются для него иными, нежели для второго индивида, а поэтому все слова и все выражения полученного им сообщения он будет (и должен) понимать иначе, нежели их понимает второй — с иным смыслом и с иным содержанием.

Единственная возможность для первого индивида точно и адекватно понять смысл, заложенный в сообщении второго индивида, это — встать на его «точку зрения», принять его деятельностную позицию. Но это, как легко догадаться, будет уже совершенно искусственная трансформация, нарушающая естественные и необходимые условия сложившейся ситуации общения: а обычных условиях, описываемых предложенной схемой, переход первого индивида на позиции второго будет означать отказ его от своей собственной деятельности и своей собственной профессиональной позиции. Кооперация как таковая опять не получится.

Изложенные простыя соображения, тотчас же наталкивают на вопрос: а нет ли такого пути и способа понимания, который позволил бы первому индивиду восстановить подлинный смысл, заложенный в сообщение вторым, и при этом сохранить свою собственную деятельностную позицию и свою собственную «точку зрения». Этот вопрос тем более оправдан, что в практике общения мы, бесспорно, сталкиваемся и с такими случаями, и теперь важно найти для них теоретическую модель.

На наш взгляд, такой путь и способ понимания возможен и встречается только в тех случаях, когда первый индивид обладает совершенно особыми и

специфическими средствами понимания, позволяющими ему, грубо говоря, объединять обе позиции и обе точки зрения, «видеть» и знать то, что «видит» и знает второй, и, одновременно с этим, — то, что должен «видеть» и знать он сам; в простейших случаях первый индивид должен иметь такое представление о ситуации и всех ее объектах, которое механически соединяет представления первого и второго, но вместе с тем дает возможность разделить их, в более сложных случаях это будут представления «конфигураторного типа», объединяющие разные «проекции» (см.[47] [50]), но всегда это должны быть специальные средства и комплексные представления, вырабатываемые с целью объединения разных «точек зрения» и разных деятельностных позиций. А до тех пор, пока таких средств, и такого представления нет, первый индивид всегда стоит перед дилеммой: он должен отказаться либо от знаний и представлений, передаваемых ему вторым, рефлектирующим индивидом, либо от своей собственной деятельностной позиции и обусловленных ею представлений.

Таким образом, рефлексия, описанная нами как рефлексивный выход или рефлексивное поглощение, оказывается чисто негативной, чисто критической и разрушительной связью; чтобы стать положительным творческим механизмом, она должна еще дополнить себя какой-то конструктивной процедурой, порождающей условия и средства, необходимые для объединения рефлектируемой и рефлектирующей деятельности в рамках подлинной кооперации, И только тогда мы получили целостный механизм, обеспечивающий создание новых организованностей деятельности и их развитие.

Не вступая сейчас в детальное обсуждение встающих здесь проблем, мы отметим лишь несколько наиболее важных моментов, задающих, как нам кажется, весьма интересные направления исследований.

Объединение рефлектируемой и рефлектирующей позиции может проводиться либо на уровне сознания — случай, который более всего обсуждался в философии, — либо на уровне логически нормированного знания. В обоих случаях объединение может производиться либо на основе средств

рефлексируемой позиции — в этих случаях говорят о заимствовании и заимствованной позиции (см. [52; 14-16]) (13), либо же на основе специфических средств рефлексирующей позиции, тогда мы говорим о рефлексивном подъеме рефлектируемой позиции (см.[57]).

Когда рефлектирующая позиция вырабатывает свои специфические знания, но при этом не имеет еще своих специфических и внешне выраженных средств и методов, то мы говорим о смысловой (или допредметной) рефлексии, если же рефлектирующая позиция выработала и зафиксировала свои особые средства и методы, нашла им подходящую онтологию и, следовательно, организовала их в особый научный предмет, то мы говорим о «предметной рефлексии» (14).

Каждое из этих направлений связи и организации знаний характеризуется своей особой логикой и методами анализа, причем одни способы и формы связи сохраняют специфику рефлексивного отношения, т.е. отнесенность знаний к определенным «способностям» или «источникам» познания (в терминологии Канта), к определенным видам деятельности и предметам (в нашей собственной терминологии), а другие, напротив, совершенно стирают и уничтожают всякие следы рефлексивного отношения (15).

Если теперь выделять и рассматривать в отношении к рефлексии проектные задачи развития науки, то главной проблемой, по-видимому, станет проблема организации таких научных предметов, которые могли бы за счет своего имманентного движения постоянно снимать, «сплющивать» рефлексию, т.е. объединять знания, онтологические картины, модели, языки и т.п. полученные в рефлектируемой и рефлектирующей позициях. Сама эта задача встала уже давно, но интенсивная работа по ее решению началась лишь со второй половины XVIII века (на наш взгляд, именно она породила специфический круг логических и методологических проблем, определивших основные направления развития теоретической логики XVIII и XIX столетий) и до сих пор не дала значительных результатов: что же касается осознания этой проблемы, то к нему пришли лишь в

самое последнее время. Но именно это в первую очередь и является, на наш взгляд, залогом быстрого и эффективного продвижения в дальнейшем.

### Примечания

(1) «Рефлексия не имеет дела с самими предметами и не получает понятий прямо от них; она есть такое состояние души, в котором мы приспосаблиемся к тому, чтобы найти субъективные условия, при которых мы можем образовать понятия. Рефлексия есть сознание отношения данных представлений к различным нашим источникам познания, и только при ее помощи отношение их друг к другу может быть правильно определено. Раньше всякой дальнейшей обработки самих представлений мы должны решить вопрос, в какой способности познания они связаны друг с другом... Не все суждения нуждаются в исследовании, т.е. во внимание к основаниям их истинности... Но все суждения и даже все сравнения требуют рефлексии, т.е. различения той способности познания, которой принадлежат данные понятия».

«Да будет позволено мне называть место, уделяемого нами понятию или в чувственности, или в чистом рассудке, трансцендентальным местом. Соответственно этому оценку места, принадлежащего всякому понятию согласно различиям в его применении, и руководство — для определения места всякого понятия, согласно правилам, следовало бы называть трансцендентальною топикою; эта наука основательно предохраняла бы от всяких подтасовок чистого рассудка и возникающей отсюда шумихи, так как она всегда различала бы, *какой* познавательной способности принадлежат понятия...» [43; 185, 189].

(2) «Рефлексия, которая должна происходить, в том же осознании, есть состояние совершенно отличное от внешнего восприятия, отчасти даже противоположное ему... Знание в своей внутренней форме, в сущности, есть бытие свободы... Об этой свободе я утверждаю, что она существует сама по себе... И я утверждаю, что это самостоятельное, особое бытие свободы есть знание... В знании действительного объекта вне меня как относится объект ко мне, к знанию?

Без сомнения, так: его бытие и его качества не прикреплены ко мне, я свободен от того и другого, парю над ними, вполне к ним равнодушен... Свободу, необходимую для того, чтобы сознание носило хотя бы форму знания, оно получает от объективирующего мышления, благодаря которому сознание, хотя и связанное с этим определенным построением образов, подымается, по крайней мере, над бытием и становится свободным от него. Таким образом, в этом сознании соединяются связанная и освобожденная свобода: сознание связано в построении, свободно от бытия, которое поэтому переносится мышлением на внешний предмет. Рефлексия должна поднять знание над этой определенной связанностью, имеющей место во внешнем восприятии. Оно было связано в построении, следовательно, оно должно стать свободным и безразличным по отношению к бытию... В рефлексии есть свобода относительно построения, и поэтому к этому первому сознанию бытия присоединяется сознание построения. В восприятии сознание заявляло: вещь есть, и больше ничего. Здесь новое возникшее сознание говорит: есть также образ, представление вещи. Далее, так как это сознание есть реализованная свобода построения, то знание высказывает о себе самом: я могу создать образ этой вещи, представить ее, могу также и не создавать» (49; 8-10).

(3) «Я описал внешнее восприятие, как такое состояние сознания, причина которого лежит просто в самом существовании сознания, а то новое состояние, которое вызывается рефлексией, как такое, которое задерживает поток причинности, и тогда жизнь становится принципом, благодаря возможности свободного акта [44; 15 и далее]; см. также [44; 138-140].

(4) Ср. например: Рефлексия — «название для актов, в которых поток переживания со всеми его разнообразными событиями... становится ясно постигаемым и анализируемым» [46; 181].

(5) О понятии конфигурирования см. [47] [48] [49] [50].

(6) О принципах такого развертывания и сочетания в них «естественного» и «искусственного» см. наши работы [1;30-38] [3; 102-117] [19; 141-150].

(7) Назначение кооперации в развитии разных форм человеческой культуры и сознания человека указывали многие философы. Огромное значение фактору кооперации придавал К.Маркс, подчеркивавший, в частности, что именно в нем надо искать ключ к объяснению всех форм самосознания человека. Кооперация рассматривалась в политэкономии и социологии, но преимущественно как факт разделения труда, оказывающий влияние на формирование социальных групп и классов. В таких дисциплинах, как производственная технология, теория организации производства (менеджмент) и НОТ кооперация бралась либо в плане влияния ее на организацию машинных систем, либо же в плане определения норм действия и деятельности отдельного человека.

Мы не перечисляем здесь других подходов, в которых кооперативные связи деятельности выступали в том или другом аспекта — их было достаточно много, — важно, что несмотря на обилие разных подходов, сами связи кооперации так и не стали предметом специального научного изучения. Объясняется это, в первую очередь, тем, что ни одно из развившихся к настоящему времени научных направлений не выделило ту абстрактную идеальную действительность, в которой связи кооперации могли бы существовать и выступать для исследователя имманентно. И наоборот, лишь задание деятельности в качестве особой и самостоятельной идеальной действительности дает, на наш взгляд, основание для подобного подхода и развертывания собственно научных исследований кооперативных связей самих по себе и для себя.

(8) Решающую роль здесь сыграли два момента: 1) необходимость объяснять специфику и происхождение методологических знаний (см.[22]) и 2) полемика с В.А. Лефевром по поводу предложенных им схем и формальных описаний рефлексии (см.[51], а также для сравнения [52] [53] [54])

(9) По поводу методических предписаний как особой формы знаний см. [3; 102-110] [55].

(10) Ср.: «Чтобы схематизировать себя как таковой, для созерцания ей (способности, — Г.Щ.) необходимо раньше своей деятельности увидеть возможность этого действия, и ей должно казаться, что она может его совершить, а может и не совершать. Это возможное действие она не может увидеть в абсолютном долженствовании, которое на этой ступени еще не видимо, поэтому она его видит в так же слепо схематизированной причинности, которая, однако, не есть непосредственно причинность, а кажется, «то она становится таковой вследствие видимого выполнения способности. А такая причинность есть влечение. Способность должна чувствовать влечение к тому или иному действию, но это не определяет непосредственно ее деятельности, так как такая непосредственность заслонила бы от нее проявление ее свободы, а в ней-то весь вопрос... Если способность должна видеть себя как долженствующую, то необходимо, чтобы раньше этого определенного видения себя как принцип, она видела бы вообще, так как она видит только через посредство собственного саморазвития, то необходимо, чтобы она развивалась...» [44; 39-140, 138].

(11) Объяснение гносеологического принципа «изолированного индивида» и детальную критику его см. в работе [56].

(12) Последняя характеристика получает свой смысл и значение рефлексии только через первую, сама по себе она не содержит ничего специфически рефлексивного. Если мы правильно понимаем Гегеля, то именно это он имел в виду, когда ввел понятие о внешней рефлексии и характеризовал ее как чисто формальное действие: «И мыслительная рефлексия, поскольку она ведет себя как внешняя, равным образом безоговорочно исходит из некоторого данного, чуждого ей непосредственного и рассматривает себя, как лишь формальное действие, которое получает содержание и материю извне, а само по себе есть лишь обусловленное последним движение» [45; 474]. Вообще было бы интересным и поучительным, хотя бы в плане анализа языка диалектики, рассмотреть гегелевские определения рефлексии с точки зрения вводимых нами схем и моделей.

(13) «Хотя сознание освободилось от первого состояния, оно все же может свободно в него возвращаться. Оно может себя делать таким сознанием, причинность которого заключается только в его бытии. Это возвращение известно всякому под именем внимания. К первому бытию, которое продолжает существовать, не поглощая всецело бытия сознания, прибавилось второе, властвующее над первым. Это второе, раз появившись, не может быть уничтожено, но оно свободно может снова отдаваться первому...» [44; 14].

### Литература

1. Г.П.Щедровицкий. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки, М., 1967
2. В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий., Э.Г. Юдин. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах //Там же.
3. Г.П. Щедровицкий. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // «Обучение» и «развитие», Материалы к симпозиуму, М., 1966
4. Г.П. Щедровицкий. О системе педагогических исследований (методологический анализ ). //Сб. «Оптимизация процесса обучения в высшей и средней школе», Душанбе, 1970
5. Г.П. Щедровицкий. Деятельность и понятие деятельности// Материалы 4-го Всесоюзного съезда общества психологов, Тбилиси, 1970
6. Г.П. Щедровицкий, Р.Г. Надеждина. О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей//Вопросы психологии, 1973, №5
7. Г.П. Щедровицкий. Структура знака: смыслы и значения. //Сб. Проблемы лексикологии, Минск, 1973
8. Г. П. Щедровицкий Проблемы методологии системного исследования. М., 1973

9. Г.П. Щедровицкий. О принципах классификации наиболее абстрактных направлений методологии структурно-системных исследований. //Сб. Проблемы исследования систем и структур. М., 1965
10. О.И. Генисаретский. Специфические черты объектов системного исследования // Проблемы исследования систем и структур, М., 1965
11. Г.П. Щедровицкий, В.Я. Дубровский. Логико-методологические проблемы системно-структурных исследований // Материалы к 3-му Всесоюзному симпозиуму по кибернетике, Тбилиси, 1967
12. В.А. Лефевр. Системы, нарисованные на системах // Системный метод и современная наука, Новосибирск, 1970, Выпуск 1
13. Ю.Ф. Гущин, В.Я. Дубровский, Л.П. Щедровицкий. К понятию «системное проектирование» // Большие информационно -управляющие системы, 1969
14. В.Я. Дубровский. К проблеме распределения функций в системах «человек-машина» /./ Большие информационно-управляющие системы, 1969
15. В.Я. Дубровский, Л.П.Щедровицкий. Проблемы системного инженерно-психологического проектирования. М.,1970
16. Г.П.Щедровицкий. Человек и деятельность в инженерно - психологических исследованиях. //Проблемы инженерной психологии, вып.1, М., 1971
17. Г.П. Щедровицкий Два понятия системы //Труды 13-й Международной конференции по истории науки М., 1974
18. О.И. Генисаретский. Опыт конструирования общественных систем //Сб. Моделирование социальных процессов. М., 1971
19. Г.П. Щедровицкий. Система педагогических исследований (Методологический анализ), // Педагогика и логика М., 1968
20. Проблемы исследования структуры науки Новосибирск, 1967
21. Дизайн в сфере проектирования. Методологическое исследование. Т.1, п/р Г.П. Щедровицкого и О.И. Генисаретского, 1967

22. Г.П. Щедровицкий, В.Я. Дубровский. Научное исследование в системе «методологической работы» // Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, 1967
23. Г.П. Щедровицкий. Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969
24. Г.П. Щедровицкий, С.Г. Якобсон. К анализу процессов решения простых арифметических задач// Доклады АПН РСФСР, 1— 4, 1962
25. Г.П. Щедровицкий, Исследования мышления детей на материале решений арифметических задач// Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников. М., 1965
26. Н.С. Пантина. Исследования умственного развития детей в процессе деятельности с дидактическими игрушками// Психология и педагогика игры дошкольника. М., 1966
27. В.М. Розин. Логико-семиототический анализ знаковых средств геометрии// Педагогика и логика, 1968
28. Н.И. Непомнящая. Педагогический анализ и конструирование способов решения учебных задач// Там же
29. А.С. Москаева. Логический анализ способов решения арифметических задач // Там же
30. Н.Г. Алексеев. Формирование осознанного решения учебной задачи// Там же
31. Г.П. Щедровицкий. О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-гигиенической логики// Вопросы психологии .1964, № 2
32. О.И. Генисаретский. Понятие о деятельности. Деятельность проектирования. //Дизайн в сфере проектирования Т. 1, 1967
33. С.Г. Якобсон, Н.Ф. Прокина. Организованность и условия формирования ее у младших школьников. М., 1967

34. В.М. Розин, А.С. Москаева. Предметы изучения структуры науки// Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, 1967
35. В.М. Розин. Структура современной науки // Там же
36. В.М.Розин. Об изображении структуры науки. // Там же
37. Е.Г. Самсонова. Л.А. Воронина . Анализ строения эмпирической науки. //Там же
38. О.Л. Симоненко Особенности строения «технических наук» // Там же
39. «Рефлексия» // Философская энциклопедия т. 4 М., 1967
40. «Рефлексия» // Философский словарь, М.,1961
41. Дж. Локк. Избранные философские произведения, т. 1 М., 1960
42. Г. Лейбниц. Новые опыты о человеческом разуме М., 1936
43. И. Кант Критика чистого разума. СПб., 1907
44. И.Г. Фихте. 1. Факты сознания. 2. Наукословие, изложенное в общих чертах. СПб., 1914
45. Гегель Наука логика. Сочинения т. 5 М., 1937
46. E. Husserl Ideen zu einer reinen Phanomenologie und phanomenologischien Philosophie, Bd. I, Haag,1950
47. В.А. Лефевр. О способах представления объектов как систем// Сб. Философские проблемы современного естествознания вып. №14 Киев, 1969
48. Г.П. Щедровицкий, В.Н. Садовский. К характеристике основных направлений исследования знака в логике психологии и языкознании// Новые исследования в пед. науках вып. №2 М., 1964
49. Г.П. Щедровицкий, В.М. Розин. Концепция лингвистической относительности Б.Л. Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления»// Семиотика и восточные языки, М., 1967
50. G. P. Schedrovitsky. Configuration as a Method of Structuring complex Knowlege //Systematics vol. 8 №4 march 1971
51. В.А. Лефевр. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании// Проблемы исследования систем и структур М., 1965

52. В.А. Лефевр. Конфликтующий структуры М., 1967
53. О.И. Генисаретский. Опыт моделирования представляющей и рефлектирующей способностей сознания// 4-й симпозиум по кибернетике Тбилиси, 1968
54. В.А. Лефевр Конфликтующие структуры изд. 2. М., 1973
55. В.М. Розин. Семиотический анализ знаковых средств математики// Семиотика и восточные языки М., 1967
56. М.К. Мамардашвили. Формы и содержание мышления М., 1968
57. Г.П. Щедровицкий. Смысл и значение. //Сб. Проблемы семантики М., 1974
58. Г.П. Щедровицкий. Заметки о мышлении по схемам двойного знания// Материалы к съезду по логике науки Киев, 1966